

* * *

Мы не будем это всё комментировать,
Очумевшая храпит слобода.
Нам пора уж это всё конвертировать
В деревянные рубли навсегда.
Углубляются познания адские,
Берлиозов надрывается альт.
Из кареты возбуждённые Чацкие
Высыпают на бесцветный асфальт.
По лавчонкам рассыпаются, нервные,
И не могут ничего в них найти.
Мы, конечно же, не выскочим в первые,
Но просыплется на нас конфетти.
Пополнением для рая не станем мы,
А убогий подаяния ждёт.
Он не знает о Гарольде в Италии,
Только горечь от ума горло жжёт.

* * *

Прозвени, – это так обаятельно, –
Проржавевшим ключом.
За порогом твоим обыватели
Говорят ни о чём.
Вроде, думаешь, март, и – пожалуйста, –
Всё снега да снега.
Вроде, думаешь, фарт, но без жалости
Не возлюбишь врага.
А небесные плиты расколоты
Посреди облаков.
Куполов пригорюнилось золото
И стекает с боков.

Изучи до конца географию,
Чтоб остаться потом
На семейной большой фотографии
Просто белым пятном.

* * *

В детстве прочитав «Анну Каренину»,
Я только Каренина и жалел.
Потом годами настраивал зрение,
Но в этом не преуспел.
В Петербурге есть станция «Автово»,
Не имеющая отношения ни к какому авто.
Жизнь – это литература без автора,
А мы всё думаем, автор кто?

* * *

Я вижу тебя на набережной,
Торопливой, бесповоротно строгой.
Память обманет. Ещё не набрано нам
С небесного номера. Осень выйдет убогой
Из своих передряг. Умоется снегом.
Я вижу будущее, где смычок
Не со струной подружился, а с нервом
Голым, как все мы, но тут – молчок.
Наверху так темно, что не веришь в траур,
Я не помню тебя. Боль беспричинна.
Рифмуем Прокофьев и кофе. А Штраус
Всё вальсирует под вальсы своего сына,
И вместе с ним вальсируют парапеты
И памятник Ленину, что валялся тут.
А ежели свет ты увидишь где-то,
Знай, что именно там тебя не ждут.

* * *

Меня давно не существует,
Но тело есть, глаза и рот.
И обо мне не повествует
В былинах проклятый народ.

Я был всего лишь полустанком,
Но как-то осенью не встал,
Состав не принял, полный танков,
И называться перестал.
Но полустанкам в человечки
Преобразиться суждено,
Цедить нелепые словечки,
Смотреть нелепое кино,
И, не оглядываясь, мчаться
Там, где сбежали от забот
Земли печальной домочадцы,
Кому даны глаза и рот.
Меня давно не существует,
Как из полка пришлось убыть.
Но тетерев опять токует,
Чтоб посмотреть в глаза убийц.

* * *

Пойдешь направо – пьяный хор,
Налево – выстрел в лоб.
И Пушкин, осознав позор,
Крушит под Псковом гроб.
В музее, пылью с эполет,
В окно летит беда.
В глазах дорога и скелет
Остались навсегда.
Гомер стенает, одинок,
Прозрев на краткий миг.
Он шёл направо, сколько мог,
А вышел напрямик.
Чужое горе не копи,
Для этого ты мал.
Учёный кот сбежал с цепи
И воет, как шакал.

В душу заполз отвратительный смог,
Сплющилось солнце в овал.
Если себя победить ты не смог,
Значит, ты не проиграл.
Значит, ещё не настала пора
Сердце вести на убой,
Если выходишь из дома с утра,
Ночь не пойдёт за тобой.
Значит в тяжёлые скудные дни
Будешь валять дурака.
Тени идут на трухлявые пни,
Как на чужие войска.

– Уйди отсюда, – говорю
Своей неспешной тени.
Она бредёт на рю Дарю,
Бредёт в собор без тени
Сомнений. Оду фонарю
Я сочиню от скуки.
– Уйди отсюда, – говорю,
– Я умываю руки.

А мы в империи пропали,
Совсем пропали, вот беда.
Зачем Овидия сослали,
Мы не узнаем никогда.
И только Пушкин что-то знает,
Он тоже выгнанный взашей,
Один шампанское глотает
И не читает Бомарше.
А мы, что выросли в промзоне,
Где нам никто не дал плаща,
Не вспоминаем о Назоне,
«Букет Молдавии» хлеща.

Приходит время чёрной пыли
Домов, что сломлены войной.
Лежат изгнанники слепые
На холмах Грузии иной.

* * *

Если ставки биты,
ставь на всё, что есть.
Жгучие обиды,
скомканная честь,
терпкие разлуки,
встречи невпопад.
Здесь воры да суки,
и расселись в ряд.
Белыми зашито
нитками окно,
если ставки биты,
разорви сукно.
И, пропахший потом,
нищий и смурной
новым санкюлотом
выйди в день иной.
Если ставки биты,
встань лицом к стене.
Ведь за двух убитых
платят нам вдвойне.

* * *

Я куда-то улетаю,
Родина моя во мгле.
Я ищу наощупь стаю,
Только стая на земле.
Все бескрылы и побиты,
Крылья сложены в золе,
Клювы накрепко зашиты,
Родина моя во мгле.

Я лечу туда, где ястреб
От Иосифа летел,
Я лечу туда, где ясно,
Что остался не у дел.
И погибшие поэты
Мне встречаются порой,
И погибшие планеты,
И Предатель, и Герой.
Разрезаю атмосферу
Я слоями, словно хлеб.
Потерял любовь и веру
Заблудился и ослеп.
Из космического ада
Ариадна тянет нить,
Разрешения не надо
На забвение просить.
Там, где я, – и Зевс, и Бродский
Громовержцы хоть куда.
Минотавр одет неброско,
Ева – в платье изо льда.
И Адам, в пальто из молний,
Помнит о добре и зле.
Безнадёжна и безмолвна,
Родина моя во мгле.

* * *

Мы долго говорили не о том,
О чём хотели. Город, воскресенье.
Дымок от теплостанции винтом
Врезался в небо в поисках спасенья.
Как жаль, у Шостаковича ни такт
Не изменить, а то б я разошёлся.
Могло быть всё иначе, стало так,
И шов на старой ране разошёлся.
Ты сообщила, что уедешь в Крым,
Возможно, навсегда, что путь твой ясен.
А я всё тщился расспросить про дым.
– Ну как тебе? Не правда ли прекрасен?

Проходят годы, и в домах
Тебя никто не любит.
Проходят годы. Рифмы страх
Тебя уже не губит.
Опять неугомонный Бах
Долбит гранит прелюдий.
Проходят годы. И в домах
Живут другие люди.
Ты можешь сохранить в глазах
Следы своих иллюзий.
Но снова производят страх
Животные и люди.
И кто-то чёрный, в сапогах
Раздавит детский кубик.
И этот кубик – дело швах –
Конечно, всё погубит.

г. Москва